

"ДА ЗДРАВСТВУЕТ ВСЬ МИР!" (О Льве Толстом)

Источник - В. Вересаев. "Живая жизнь", М., Изд-во политической лит-ры, 1991

OCR и вычитка - Александр Продан

alexpro@enteh.com

Немец засмеялся, вышел совсем из дверей коровника, сдернул колпак и, взмахнув им над головой, закричал: -- Und die ganze Welt hoch!

Ростов сам так же, как немец, взмахнул фуражкой над головой и, смеясь, закричал: "Und vivat die ganze Welt". Хотя не было никакой причины к особенной радости ни для немца, вычищавшего свой коровник, ни для Ростова, ездившего со взводом за сеном, оба человека эти с счастливым восторгом и братскою любовью посмотрели друг на друга, потрясли головами в знак взаимной любви и, улыбаясь, разошлись, немец -- в коровник, Ростов -- в избу.

"Война и мир"

**I
ЕДИНСТВО**

Солнце -- яркое, горячее солнце над прекрасною землею. Куда ни взглянешь, всюду неожиданная, таинственно-значительная жизнь, всюду блеск, счастье, бодрость и вечная, нетускнеющая красота. Как будто из мрачного подземелья вдруг вышел на весенний простор, грудь дышит глубоко и свободно. Вспоминается далекое, изжитое детство: тогда вот мир воспринимался в таком свете и чистоте, тогда ощущалась эта таинственная значительность всего, что кругом.

Среди прекрасного мира -- человек. Из души его тянутся живые корни в окружающую жизнь, раскидываются в ней и тесно сплетаются в ощущении непрерывного, целостного единства.

"И все я был один, -- рассказывает Николенька в "Юности", -- и все казалось, что таинственно-величавая природа, притягивающая к себе светлый круг месяца, стоящий везде, и как будто наполняющий собою все необъятное пространство, и я, ничтожный червяк, -- мне все казалось в эти минуты, что как будто природа, и луна, и я, мы были одно и то же".

Оленин лежит в первобытном лесу, в логовище оленя. "Около меня, пролетая между листьями, которые кажутся им огромными островами, стоят в воздухе и жужжат комары; и все они что-нибудь и зачем-нибудь жужжат около меня, и каждый из них такой же особенный от всех Дмитрий Оленин, как и я сам". Ему ясно представилось, что думают и жужжат комары: "Сюда, сюда, ребята! Вот кого можно есть!" -- жужжат они и облепляют его. И ему ясно стало, что он несколько не русский дворянин, член московского общества, а просто такой же комар или такой же фазан или олень, как и те, которые живут теперь вокруг него".

Князю Мышкину Достоевского мучительно чужд и недоступен "вечный праздник природы". Как незванный гость, "всему чужой и выкидыш", тоскливо стоит он в стороне и не в силах отозваться душою на ликование жизни. Для Толстого же этот праздник -- свой, родной. Он рвется в самую его гущу, как ласточка в воздух.

"Я люблю природу, -- пишет Толстой, -- когда она со всех сторон окружает меня и потом развивается бесконечно вдаль, но когда я нахожусь в ней. Я люблю, когда со всех сторон окружает меня жаркий воздух, и этот же воздух, клубясь, уходит в бесконечную даль, когда вы не одни ликуете и радуетесь природой, когда около вас жужжат и выются мириады насекомых, сцепившись, ползают коровки, везде кругом заливаются птицы. А это (альпийская вершина) -- голая, холодная, серая площадка, и где-то там красивое что-то подернуто дымкой дали. Но это что-то так далеко, что я не чувствую главного наслаждения природы, не чувствую себя частью этого всего бесконечного и прекрасного далека. Мне дела нет до этой дали". (Из черновых путевых заметок Толстого о Швейцарии.)

Вокруг человека -- огромное море жизни: животные, растения. У них нет рассудка, они не умеют говорить. Но в них есть самое важное, что и в человеке важнее рассудка и слов.

"-- Нынче весной, -- рассказывает дядя Ерошка, -- так-то подошел табун важный, зачернелся. "Отцу и сыну..." уж хотел стрелить. Как она фыркнет на своих на поросят: "беда, мол, детки: человек сидит!" -- и затрещали все прочь по кустам.

-- Как же это свинья поросятам сказала, что человек сидит? -- спросил Оленин.